

Радость и эйфория от победы во втором матче по квиддичу продлилась всю неделю, а поражение Гриффиндора от Пуффендюя лишь усилили ликование слизерицев, которые после этого стали не просто фаворитами в турнире, а настолько вырвались вперед, что лишь чудо могло помочь другим командам побороться за Кубок. Да и то, что их новый охотник — сам Гарри Поттер — придавало куда больше уверенности всему факультету, который буквально распирало от гордости. Тут наложилась и уверенность в том, что он как-то причастен к нападениям на недостойных детей маглов, проникших в Хогвартс, так и весьма уверенная игра во время матча. Поэтому Гарри получил утроенную порцию уважения и благоговения на факультете, к нему часто подходили, заводили беседы, что-то рассказывали или просто делились новостями и сплетнями. Кажется, он никогда в жизни не чувствовал себя таким счастливым, ведь он сделал то, чем мог гордиться по праву, и никто больше не мог сказать, что Гарри Поттер — это всего лишь известное имя. Дошло до того, что Драко начал немного завидовать такому вниманию, а Дафна стала мрачнеть при виде очередной обращающейся к нему слизеринки, которой были непонятны «вот эти чары, которые объяснял на уроке Флитвик» или ещё какой-то вопрос. Так что Гарри купался во внимании факультета, и именно поэтому новая жертва чудовища из Тайной комнаты — какой-то невезучий пуффендуец — воспринялась им как-то отстранено. Ну полежит парень пару недель в больничном крыле, а там уже мандрагоры поспеют и всех разом оживят.

Страшный образ Тайной комнаты как-то потускнел, померк на фоне других событий, которые поглощали всё его свободное время, да и ни один слизеринец от этого неизвестного чудовища не пострадал. И тем неожиданней было для него появление Северуса Снейпа в гостиной и суровое объявление о запрете покидать их общежитие после шести часов вечера. Гарри как раз сидел за столом, дописывая работу по трансфигурации, Трейси развлекала его, рассказывая интересные истории и анекдоты, которые она знала просто в неисчислимом количестве. Паркинсон иногда вклинивалась, вспоминая что-то подходящее к этому из школьной жизни Хогвартса и сплетен, которые она услышала. Теодор же удобно развалился на кресле и что-то рисовал в магическом альбоме. Нарисованное там оживало и само двигалось по холсту. Выходило очень красиво. Его последней работой была небольшая деревенька, обнесённая частоколом из обтёсанных брёвен и огнедышащий дракон тёмно-бордового цвета, с огромным гребнем на голове и впечатляющим размахом крыльев. После того, как его дорисовали дракон ожил, начал летать вокруг деревни, выпуская огонь, который очень быстро объезжал деревянные постройки, а жители в панике забегали. Но достаточно было закрыть и снова открыть альбом, то и деревня, так и дракон возвращались к своему изначальному состоянию. У Нотта было очень много этюдов: и их Запретный лес на фоне заката, мрачный и великолепный; и бушующий океан с одиноким островом, на котором темнел какой-то замок; и белоснежный Гринготтс в Косом переулке; и их подземелья, расположенные глубоко под землей. И, разумеется, было много зарисовок самого Хогвартса, его коридоров, кабинетов, озера и природы. Гарри считал, что Теодор был очень талантлив в живописи и молча восхищался его работами, которые были словно живые. Мальчик иногда просил альбом и тоже пытался нарисовать поле по квиддичу с игроками или вид ночного замка с озером, но у него получалось далеко не так потрясающее, как у Нотта.

И в этот момент спокойствия открылся проем и в гостиную зашёл хмурый профессор Снейп. Все разговоры сразу смолкли. Кивнув старосте, он попросил пригласить всех, чтобы можно было сделать объявление.

— В замке вводятся повышенные меры безопасности. Все ученики должны возвращаться в гостиную до шести часов вечера. После этого времени запрещается находиться в коридорах, кабинетах, в Большом зале, в библиотеке или в любом другом месте, кроме гостиной Слизерина, — медленно и расстановкой произнес декан, дождавшись, когда все соберутся. —

На уроки с завтрашнего дня будете ходить в сопровождении преподавателей. Никто не пользуется туалетной комнатой без провожатого. Все матчи и тренировки временно отменяются.

Известие об отмене квиддича и тренировок шокировало и очень расстроило Гарри Поттера. Да и не только его одного. Все слизеринцы выслушали строгое предписание, не проронив ни слова. Мальчик переглянулся с Малфоем, который сидел с таким лицом, словно не понял ничего из сказанного Снейпом. Теодор Нотт расстроено вздохнул. Профессор тем временем взмахом палочки приклеил пергамент с приказом к доске объявлений и обвёл взглядом всех сидящих в гостиной. Его тёмные глаза презрительно сузились при виде Гарри. Тем временем игроки сборной возмущенно загомонили, пытаясь оспорить такое решение профессора и тот повернулся к ним.

— Так нечестно, профессор! — горячо заговорил Флинт, вскакивая с кресла и размахивая руками. — Кубок у нас уже в кармане! Зачем отменять квиддич?!

Его поддержали остальные игроки и ярые болельщики.

— Почему квиддич отменяют?

— Это козни гриффиндорцев и их директора! Они опять проиграли Кубок, вот и придумали всё это.

— Нам остался всего один матч и всё.

— Несправедливо!

— Это приказ директора, он не обсуждается, — холодным тоном разом отмёл все возражения декан. — Я жду от вас взвешенного поведения и точного соблюдения всех мер предосторожности. На этом всё.

После ухода их профессора обсуждение затянулось до самой ночи. Малфой то бурно радовался, будучи уверенным, что теперь-то Дамблдора выгонят, то пребывал в унынии, что квиддич отменили. Староста Джемма Фарли о чём-то шепталась с другими девушками. Другие выражали недоумение, почему приказ распространяется на них, ведь чудовище Слизерина никак не может грозить самим слизеринцам. Больше всех возмущался их капитан команды.

— Мы должны выиграть этот чёртов Кубок! — распалился Флинт, обращаясь к команде и всем тем, кто его слушал. — Мы сильнейшая команда и у нас лучшие мётлы. Остальные нам и в подмётки не годятся! Кубок по праву наш. Сколько подряд мы его выигрывали уже?! И я его получу во чтобы то ни стало, запомните моё слово! Даже если надо будет остаться на второй год!

Гарри почти не участвовал в дискуссии, мрачно думая о том, что полетать на метле ему светит ещё не скоро, а нового матча по квиддичу (в котором он сыграл бы великолепно!) теперь вовсе не видать. Поэтому ночью ему снился то матч по квиддичу, который всё же разрешили, но он никак не мог начаться, так как мадам Трюк потеряла свой свисток, а у Гарри всё не получалось его найти среди густой травы стадиона; то профессор Дамблдор, отчитывающий его, что из-за тех слухов, курсирующих по школе, профессора не смогли найти настоящего наследника Слизерина, поэтому матчи отменили. Сон переменялся... Он сидел в купе поезда, в котором ехал вместе с Роном и Гермионой. Оно было залито солнечным светом и их веселым смехом. Рон успешно демонстрировал чары на своей крысе, Гермиона весело улыбалась, глядя на очередное превращение, а сам Гарри очень радовался, видя живую девочку. Ему всё хотелось

обнять её, извиниться, сам не зная за что, но было как-то не до этого. Он всё же поборол себя и обнял её, бормоча нелепые извинения, сожалея о том, что случилось, что он не помог, а в ответ слушая её успокаивающие слова о том, что всё в порядке, ничего страшного же не случилось и ему всего лишь приснился какой-то кошмар. Гермиона ласково поглаживала его по голове и Гарри, украдкой вытирая слезы, ещё раз крепко сжав её в объятиях и улыбнувшись Рону, уселся обратно на свое место.

— Приятель, ну что ж ты в самом деле? — Улыбнулся ему в ответ Рон. — Всё хорошо, никуда мы не денемся от тебя, нашел о чём переживать! Лучше послушай, как Фред и Джордж...

Гарри счастливо улыбнулся. Главное, что Гермиона была жива и не было никаких проблем или забот. Они шумно что-то обсуждали, шутили и хорошо проводили время, под бодрое пыхтение поезда, пока откуда-то не раздалось шипение. Смех угас, они оглядывались, искали и не могли найти откуда идёт этот зловещий звук, солнце прекратило озирать купе и на их лица легла тень. Внезапно Гарри заметил, что Рон и Гермиона с ужасом смотрят на него и вдруг понял, что змеиное шипение издаёт он сам. Неудивительно, что он проснулся с гулко бьющимся сердцем и весь в поту.

Утром во время завтрака в Большом зале Гарри обратил внимание, что все профессора сидят с более мрачным видом, чем обычно. Разумеется, это не касалось Локонса, который был в своей манере одет в светло-синюю мантию и как всегда жизнерадостный. Он часто посылал улыбки в зал, кому-то подмигивал и что-то оживлённо рассказывал профессору Стебель, уныло тыкающей вилкой в тарелку с овсянкой. Не успел Гарри поделиться своими наблюдениями с сидящими рядом Трейси и Забини, как профессор Макгонагалл поднялась со своего места и студенты притихли.

— Минуточку внимания! — громко и как-то не радостно произнесла МакГонагалл. — Послушайте объявление.

Школьники зашикали на тех, кто увлёкся приёмом пищи и ничего не слышал. Почти сразу же воцарилась тишина.

— Я хотела бы объявить, что профессор Дамблдор временно покинул пост директора школы, — с горечью сказала она. Гарри заметил, что её голос чуть заметно дрожит. — Теперь его обязанности выполняю я. Но это не значит, что будут какие-либо послабления в мерах безопасности. Все его указы остаются в силе, и я за этим прослежу.

Со стола Слизерина раздались радостные возгласы, которые почти сразу затихли от сурового взгляда профессора трансфигурации. А у Драко было такое лицо, словно он в одиночку выиграл Кубок Школы и Кубок по квиддичу. Он тут же сообщил Гарри, да и всем окружающим, что это именно его отец, который был прошлой ночью в Хогвартсе, наконец-то выгнал Дамблдора с поста директора. Весь попечительский совет, который возглавлял Люциус Малфой, согласился с тем, что старик вообще ни на что не способен и новое нападение на ученика это показало со всей ясностью. А ещё, добавил Драко с гордостью, с его отцом был сам Министр Магии Корнелиус Фадж. Так же они задержали лесника Хагрида и отправили того в Азкабан. Как оказалось, Драко рано утром получил письмо от своего отца, где тот подробно рассказывал обо всём, да и ещё обещал, что скоро это будет опубликовано в Ежедневном Пророке. У Гарри от этих новостей испортилось настроение.

Профессор, или вернее сказать, директор Макгонагалл села на своё место, а зал погрузился в обсуждение шокирующей новости. Гарри тем временем внимательно разглядывал пустующее место их бывшего директора, словно это могло его вернуть, краем уха слушая Драко. Как-то

странно было осознавать, что Дамблдор их покинул. Очевидно, что Люциус Малфой добился своего и победил в кулуарной борьбе. Гарри обратил внимание, что многие ученики выглядят испуганными и подавленными, более того ему показалось, что и их профессора тоже как будто съезжились от страха. По крайней мере почти все сидящие за главным столом выглядели потерянными или мрачными.

Весь день после этого был насыщен пересудами и обсуждениями, поэтому Гарри не сразу заметил, что его друзья, после случившегося нападения на пуффендуйца, всегда стараются быть рядом с ним. Он и раньше крайне редко бродил по замку один, а теперь, после введения всех этих драконовских мер безопасности, такое попросту стало невозможным. Сначала такое поведение его друзей вызвало недоумение, а потом он осознал, особенно после того, когда уловил откровенно враждебные или злорадные, а также испуганные взгляды некоторых пуффендуйцев. Наверное, это были друзья ученика, который попал в больничное крыло в результате последнего нападения. А злорадные, наверное, потому что они ждут-не дождутся, когда придут в себя пострадавшие, выпив зелье на основе мандрагоры и наверняка уверены, что они первым делом укажут на Поттера, как виновника всех злодеяний. Гарри усмехнулся. Наивные дураки эти пуффендуйцы. Он никоим образом не причастен к нападениям, а про его дар змеиной речи ходят одни только слухи и всё.

Хотя у него были сомнения в том, что его вины в этом нет. Ведь владеет же он даром самого Слизерина, а значит в его жилах течёт кровь самого основателя Хогвартса и факультета, на котором он обучается. Вдруг Тайная комната сама открывается, обнаружив в замке наследника Слизерина? Или он впадает в транс и не помнит, как её открыл? Но эти предположения он быстро отмёл. Как-то это глупо. Да и если было бы всё так, то комната открылась бы ещё на первом курсе, а простые чары, наложенные на дверь его спальни, показали, что ночью он никуда не выходил, а днём всегда в окружении других. Поэтому мальчик успокоился и не обращал внимания на все эти пронзающие его взгляды с других факультетов, шепотки за спиной и откровенный страх перед ним. Он уже к этому успел привыкнуть. Более того, он иногда подходил к таким кучкам запуганных школьников, которые начинали прижиматься к друг другу от страха при виде его, и заводил пустые или банальные разговоры, например, о сегодняшней погоде, а сам в душе потешался над их испугом и заиканием, когда они отвечали. Но вот его друзья опасались, что кто-нибудь из этих злопыхателей захочет отомстить Гарри, подкараулив того в одиночестве. Хотя, наверное, тот же Малфой просто радовался тому, что, когда он ходит рядом с Поттером, и ему перепадает часть славы наследника Слизерина и даже не думал об грозящей опасности. С одной стороны Гарри приятна была такая забота, это согревало сердце и повышало ему настроение. Он хотел завести друзей в школе, вот он их и завёл. Но с другой стороны, такая опека задевала его самолюбие и даже немного злила. Неужели они думают, что он не может постоять за себя? Да он лучший в защите от Тёмных искусств, знает столько чар! В конце концов он змееуст! Все в замке боятся именно его! Да и в дуэлях он очень силен, от скуки теперь он стал приказывать Крэббу и Гойлу во время тренировочных дуэлей одновременно нападать на него, так как по одиночке они вообще ничего не могли сделать. Это почти не изменило ситуацию, так как чар они знали очень мало и не могли пробить щитовые заклинания, которые применял Гарри. Он как-то уже подзабыл, что после первых нападений и подозрений в его сторону, сам боялся ходить по замку один.

Известие о том, что профессор Дамблдор покинул школу словно разделило Хогвартс «до» и «после». Казалось бы, их директор очень редко показывался школьникам, не вёл никаких предметов, а иногда даже пропускал общие завтраки, обеды и ужины. Гарри вдруг запоздало осознал, что их директор был очень занятым человеком, иначе у него бы нашлось время для общих трапез в Большом зале, на которых обычно присутствовали все преподаватели. А если какой-то профессор отсутствовал, то это вызывало пересуды, обсуждения причин и различные

сплетни. Профессор Макгонагалл не стала занимать его место, а осталась на своём, что невольно притягивало к учительскому столу бесчисленные любопытные или испуганные взгляды. И именно пустующее позолоченное кресло во главе стола создавало впечатление какой-то пустоты, будто Большой зал, да и весь замок немного померк, утратил в яркости и цвете.

<http://tl.rulate.ru/book/52529/1325977>